

На правах рукописи

СЕВАСТЬЯНОВ ГЛЕБ ВЛАДИМИРОВИЧ

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
И КОМПЕТЕНЦИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА
В СФЕРЕ НЕДВИЖИМОСТИ**

Специальность: 12.00.15 — гражданский процесс;
арбитражный процесс

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва

2013 г.

Работа выполнена в секторе гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук.

Научный руководитель:

член–корреспондент РАН,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Мусин Валерий Абрамович

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права
Санкт–Петербургского государственного университета
Скворцов Олег Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса
Уральской государственной юридической академии
Курочкин Сергей Анатольевич

Ведущая организация:

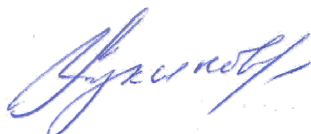
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 11 декабря 2013 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д.002.002.06 в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте государства и права Российской академии наук по адресу: 119991, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук.

Автореферат разослан «07» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

И. Н. Лукьянова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования и степень ее разработанности.

Возможность выбора способа разрешения спора или урегулирования правового конфликта — конституционное право каждого человека. Часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации гарантирует такую возможность, ограничивая пределы ее действия единственным требованием — способ разрешения спора (урегулирования конфликта) не должен быть запрещен законом.

Наиболее демократичным вариантом защиты прав и урегулирования правовых споров является применение сторонами конфликта способа альтернативного разрешения споров — третейского разбирательства, медиации или иной примирительной процедуры.

Способы альтернативного разрешения споров (далее — способы АРС) в России развиваются более двадцати лет. Начало становлению способов АРС в современном российском праве было положено принятием 4 июля 1991 г. Закона РСФСР «Об арбитражном суде», который содержал статью 7 «Право на обращение в третейский суд и к посреднику». С принятием законодательства в области АРС возможности применения способов АРС в нашей стране существенно расширились. Третейское разбирательство за прошедшее время утвердилось как важный общественный и правовой институт, позволяющий разрешать самые разнообразные имущественные споры.

Постоянно действующие третейские суды созданы фактически во всех регионах страны. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты добровольной Всероссийской переписи третейских судов, проводимой Редакцией журнала «Третейский суд», в которой на настоящий момент приняли участие 367 институционных центров третейского разбирательства из 69 субъектов России¹. Количество споров, рассматриваемых ведущими центрами третейского разбирательства страны, доходит до нескольких сотен в год.

Тем не менее, не решенными остаются принципиальные вопросы, связанные как с практикой деятельности третейских судов, так и с содействием и контролем в сфере третейского разбирательства со стороны компетентных государственных судов.

Исследование правовой природы третейского разбирательства и компетенции третейских судов актуально в связи с непрекращающейся дискуссией о возможности

¹ Данные представлены на сайте: www.arbitrage.spb.ru (дата посещения — 30.10.2013).

рассмотрения третейскими судами отдельных категорий споров: в сфере недвижимости, интеллектуальной собственности, из корпоративных, трудовых, семейных, медицинских, энергетических, спортивных и других видов правоотношений.

В юридической литературе представлены разнообразные взгляды на правовую природу третейского разбирательства: от позиционирования третейского разбирательства в качестве части гражданского процесса до мнения о том, что третейское разбирательство является институтом гражданского права. На взгляд автора, подобные разногласия в науке также свидетельствуют об актуальности дальнейшего фундаментального исследования этой проблемы.

Сохраняется актуальность исследования компетенции третейских судов по рассмотрению споров о праве собственности на недвижимое имущество, несмотря на принятое в 2011 г. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации², подтвердившее арбитрабельность данной категории споров и давшее ответы на ряд принципиальных вопросов. Однако и оно не снимает всех проблем, возникающих при определении правовой природы третейского разбирательства и компетенции третейских судов. Данное постановление анализируется автором в соответствующих главах исследования.

Немало вопросов возникает в правоприменительной практике судебной системы страны и государственных регистрирующих органов в связи с пониманием и толкованием сущности третейского разбирательства, которые, в частности, ссылаются на необходимость подачи дополнительных документов при регистрации прав на недвижимое имущество на основании решения третейского суда, хотя такие документы законом не требуются.

Проблемы практики во многом связаны с отсутствием в отечественных доктрине и законодательстве о третейском разбирательстве четких критериев арбитрабельности. Необходимо определить указанные критерии и, возможно, внести изменения в законодательство.

Вопросы, рассматриваемые в диссертации, актуальны также в связи с реформой законодательства о третейском разбирательстве, поскольку его эффективность

² Постановление Конституционного Суда РФ № 10–П от 26.05.2011 по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Третейский суд. 2011. № 3. С. 12–29.

напрямую зависит от корректного отражения в законе правовой природы регулируемых отношений. В пункте 5 подготовленного в октябре 2013 г. Министерством юстиции Российской Федерации проекта «Комплекса мер по совершенствованию третейского судопроизводства в Российской Федерации» отмечается неурегулированность в законодательстве вопроса о правовой природе отношений, возникающих между составом арбитров, сторонами третейского разбирательства и постоянно действующим третейским институтом.

Таким образом, существующие в настоящее время проблемы компетенции третейских судов, в том числе в сфере недвижимости, неразрывно связаны с определением правовой природы третейского разбирательства как способа АРС.

Объектом исследования выступают: 1) способы альтернативного разрешения «внутренних споров» и разногласий, содержащих «иностранный элемент» (соответственно третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж, посредничество (медиация) и др.); 2) закрепленные в российском и зарубежном законодательстве нормы, регулирующие компетенцию третейских судов (арбитражей); 3) практика государственных и третейских судов по применению вышеуказанных норм; 4) положения отечественной и зарубежной доктрины о правовой природе третейского суда (арбитража) и характеристике категорий «подведомственность» и «арбитрабельность».

Предметом исследования являются: 1) правовая природа третейского разбирательства как способа АРС; 2) компетенция третейского суда по спорам о праве собственности на недвижимое имущество; 3) содержание понятия «арбитрабельность» (как в узком, так и широком значении); 4) критерии арбитрабельности.

Цель и основные задачи исследования. Целью диссертационного исследования является определение правовой природы альтернативного разрешения споров и, прежде всего, института третейского разбирательства; выявление критериев арбитрабельности споров; а также исследование компетенции третейских судов в сфере недвижимости.

Перечисленные цели достигаются путем решения следующих задач:

- выявление правовых критериев, характеризующих способы АРС и их отличие от государственного судопроизводства;
- определение правовой природы способов альтернативного разрешения споров;
- выявление правовой специфики третейского разбирательства (международного коммерческого арбитража);

– характеристика соотношения понятий «подведомственность» и «арбитрабельность»;

– установление критериев и способов определения арбитрабельности, а также анализ их эффективности для правоприменения;

– исследование основных дискуссионных вопросов, относящихся к возможности рассмотрения третейскими судами споров о недвижимом имуществе;

– определение границ арбитрабельности споров о недвижимом имуществе, исходя из критериев арбитрабельности.

Методологической основой диссертационного исследования является метод диалектики как общенаучный метод познания, а также частно–научные методы: проблемно–теоретического, исторического, сравнительно–правового, системного и логического анализа.

Проблемно–теоретический метод применен в ходе рассмотрения принципиальных вопросов теоретического плана. Метод сравнительно–правового анализа задействован при исследовании компетенции третейских судов и критериев арбитрабельности по зарубежному праву. Исторический метод стал основой для характеристики возможностей по рассмотрению споров о недвижимости в дореволюционных третейских судах, а также субъектного состава лиц, которые могли передавать в третейский суд свои споры. Основные тенденции и проблемные аспекты, отраженные в исследовании, проанализированы с применением метода системного анализа. В процессе изучения и осмысления конкретных юридических категорий и понятий использовались приемы логики.

Теоретическую основу диссертации составляют труды отечественных правоведов и специалистов в области примирительных процедур, посвященные проблемам альтернативного разрешения споров (в том числе третейского разбирательства) и государственного судопроизводства: Т. Е. Абовой, С. С. Алексеева, О. В. Аллахвердовой, Т. К. Андреевой, В. Н. Анурова, Л. П. Ануфриевой, А. В. Асоскова, А. Ф. Афанасьева, Л. Г. Балаяна, А. Е. Березия, М. М. Богуславского, Е. А. Борисовой, Н. С. Бочаровой, С. Н. Братуся, А. Г. Быкова, Д. Х. Валеева, А. Б. Венгерова, А. П. Вершинина, Е. А. Виноградовой, А. И. Вицына, А. Ф. Волкова, Н. И. Гайдаенко Шер, А. Х. Гольмстена, М. А. Гурвича, Д. Л. Давыденко, П. С. Дружкова, М. А. Дубровиной, А. Н. Жильцова, А. И. Зайцева, В. П. Звекова, Н. Б. Зейдера, И. С. Зыкина, Е. Н. Ивановой, Р. Ф. Каллистратовой, Б. Р. Карабельникова, А. Д. Карпенко, Н. И. Клейн, А. С. Комарова, К. И. Комиссарова,

В. А. Копылова, А. А. Костина, А. Н. Кузбагарова, А. В. Кузьминой, С. А. Курочкина, М. Ю. Лебедева, С. Н. Лебедева, В. В. Лисицына, А. Г. Лисицына–Светланова, Е. Г. Лукьяновой; Л. А. Лунца, А. Л. Маковского, Д. Я. Малешина, А. И. Минакова, П. М. Минца, М. Э. Морозова, Э. М. Мурадян, А. И. Муранова, В. А. Мусина, Т. Н. Нешатаевой, Е. А. Нефедьева, И. В. Никифорова, Е. И. Носыревой, Ю. К. Осипова, А. В. Полякова, В. Ф. Попондопуло, В. А. Рязановского, М. Г. Розенберга, А. П. Сергеева, О. Ю. Скворцова, Е. А. Суханова, В. Н. Тарасова, М. К. Треушникова, Е. А. Трещевой, И. М. Тютрюмова, В. В. Хвалея, Е. М. Цыгановой, М. Ю. Челышева, Н. А. Чечиной, К. А. Чудиновских, М. С. Шакарян, М. Г. Шилова, Ю. В. Ширяевой, И. Е. Энгельмана, В. Ф. Яковлева, В. В. Яркова и др.

Использованы работы зарубежных авторов: Б. Ансель, Т. Вамбьер, Е. Галларда, Б. Голдмена, О. Н. Здрок, М. Кендьеля, К. Колер, Л. Леви, Г. Нердрума, С. Омановича, Д. Паульсона, Ж. Сталева, М. К. Сулейменова, С. Тривы, А. Тынеля, А. Узелач, П. Фоухарда, М. Хантера, В. Хегера, С. Хегер, О. Чейза, И. Чолака, Х. Шака, Ф. Юлина и др.

Эмпирической основой работы являются материалы практики третейских и государственных судов, в том числе Конституционного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, информационные письма государственных регистрационных органов, касающиеся регистрации прав на недвижимое имущество на основании решения третейского суда, а также материалы о реформе третейского разбирательства в России.

Научная новизна. В ходе исследования выявлены специфические черты правовой природы способов АРС: 1) процессуальный характер способов АРС, связанный с разрешением споров (третейское разбирательство) и урегулированием правовых конфликтов (путем примирительных процедур), а также 2) регулирование правоотношений в области АРС преимущественно диспозитивным методом, на основании чего сделан вывод о частной (по режиму правового регулирования) и процессуальной (по целевой направленности) правовой природе правоотношений в области АРС. Предложено обоснование существования в сфере процессуальных отношений не только публичных процессуальных отраслей права (например, гражданского или арбитражного процессуального права), но и частной процессуальной отрасли права.

Разработано авторское понимание правовой природы третейского

разбирательства как способа АРС, рассматриваемого в качестве института частного процессуального права.

Предложен комплексный критерий арбитрабельности споров, рассматриваемых третейскими судами. Определены границы арбитрабельности споров о недвижимом имуществе и пределы компетенции третейских судов в данной сфере.

Проведенное исследование позволило сформулировать **положения, выносимые на защиту:**

1. Понятие «альтернативное разрешение споров» определяется как согласованный сторонами до или после возникновения спора выбор негосударственного (частного) способа разрешения спора (третейское разбирательство) и/или урегулирования правового конфликта иными способами, включая институт медиации, и его применение в целях устранения или предотвращения правовой неопределенности в отношениях сторон.

2. Категория «способ АРС» понимается в работе как определенный законом и (или) соглашением сторон либо локальным актом организации (регламентом, правилами или другими документами), создавшей постоянно действующий третейский суд или центр урегулирования конфликтов, порядок действий участников разрешения спора или урегулирования правового конфликта.

3. Аргументирован вывод о том, что основным методом регулирования частных процессуальных отношений является диспозитивный метод, так как в альтернативном разрешении споров, прежде всего, проявляются начала диспозитивные, исходящие из координации отношений, равноправия и автономии воли сторон. Преобладание диспозитивного метода регулирования является важным признаком, отличающим частные процессуальные отношения от публичных процессуальных отношений, в регулировании которых превалирует императивный метод.

4. Установлено, что основными правовыми критериями, позволяющими показать отличия способов АРС от государственных способов разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов, являются: 1) договорный характер правоотношений, возникающих в связи с выбором способа АРС и определением порядка его применения; 2) частный (негосударственный) характер регламентации процедуры (способа) АРС; 3) разрешение споров и урегулирование правовых конфликтов, по общему правилу, возникающих в частных правоотношениях; 4) распространение действия процессуальных актов–документов АРС (например,

решения третейского суда, соглашения об урегулировании спора и др.) только на стороны частного процессуального правоотношения, возникающего в связи с АРС, если иное не установлено законом; 5) отсутствие, по общему правилу, в рамках АРС инструментов принудительного исполнения.

5. Специфическим качеством способов АРС, в том числе третейского разбирательства, является процедурная диспозитивность, которая проявляется, во-первых, в том, что подробное содержание процедуры третейского разбирательства в законодательстве не устанавливается, так как она определяется соглашением сторон; во-вторых, процессуальной форме третейского разбирательства, которая возникает только после согласования сторонами процедуры третейского разбирательства (третейский суд для конкретного спора) либо при использовании для определения процедуры третейского разбирательства регламента постоянно действующего третейского суда; наконец, процессуальная форма третейского разбирательства, установленная соглашением сторон, может быть подвержена дальнейшей трансформации с учетом базовых принципов третейского разбирательства. Тем самым, процессуальная форма третейского разбирательства является диспозитивной.

6. Понятие «третейский суд» определяется в диссертации как единоличный третейский судья или состав третейских судей, избранный сторонами третейского разбирательства или назначенный в согласованном сторонами порядке, осуществляющий правоприменительную деятельность по разрешению спора.

Постоянно действующий третейский суд характеризуется в исследовании как институционный центр третейского разбирательства, созданный организацией–учредителем в целях обеспечения (материально–технического, организационного и процессуального) и администрирования деятельности третейского суда.

7. Институт подведомственности как основной регулятор распределения споров между государственными судами, применяемый в гражданско–процессуальной доктрине, не раскрывает юридическую специфику передачи споров в третейский суд и возникновения полномочий состава третейских судей (арбитров), а также определения предметной компетенции постоянно действующего третейского суда. Его роль в частном процессуальном праве, как выявлено в ходе исследования, выполняет соглашение сторон конфликта о применении способа АРС. Для третейского разбирательства — это третейское или арбитражное соглашение, определяющее

предмет спора, процедуру и компетентный институциональный центр по разрешению спора (в случае третейского суда *ad hoc* — конкретных лиц).

8. Предметная компетенция постоянно действующего третейского суда — категории споров, установленные в правилах, регламентах или других документах постоянно действующего третейского суда его учредителями, исходя из требований законодательства, которые могут быть переданы сторонами в третейский суд.

Предметная компетенция постоянно действующего третейского суда может быть как общей, так и специальной (например, морской или спортивный арбитраж). Предметная компетенция (или полномочия состава арбитров) для третейского суда *ad hoc* определяется сторонами спора в третейском соглашении.

Третейские суды обладают «параллельной» или «альтернативной» предметной компетенцией по разрешению гражданско-правовых споров, которая соответствует предметной компетенции государственных судов по спорам из гражданских правоотношений, с учетом исключений, установленных федеральным законом.

9. Для закрепления в законодательстве предлагается комплексный критерий арбитрабельности споров, отражающий характер отношений, из которых возник спор, а также учитывающий действие диспозитивного метода регулирования таких правоотношений: «спор из договорных и иных частных правоотношений, по которым стороны вправе осуществлять распорядительные действия».

10. В диссертации делается вывод о том, что третейские суды могут рассматривать любые виды исков (о признании, присуждении и преобразовании), требования из которых связаны как с вещными (абсолютными), так и обязательственными правоотношениями в сфере недвижимости, но не вправе рассматривать дела о признании права собственности на бесхозную недвижимую вещь и в отношении недвижимого имущества, на которую лицо имеет право вследствие приобретательной давности, поскольку в данных случаях заявляемые требования не связаны со спором, вытекающим из конкретных правоотношений, по которым стороны вправе осуществлять распорядительные действия.

11. Для исключения возможности злоупотреблений третейским разбирательством при рассмотрении споров в сфере недвижимости необходимо уведомление государственным регистратором правообладателя о поступлении на государственную регистрацию решения третейского суда, по которому права на недвижимость должны

перейти к иному лицу. Тем самым, у правообладателя, права которого затронуты решением третейского суда, вынесенным без его участия в третейском разбирательстве, появится возможность оспорить решение третейского суда либо обратиться в государственный суд с самостоятельным иском по защите своего права.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Представляется, что результаты исследования могут способствовать совершенствованию научных представлений о правовой природе способов АРС, в том числе третейского разбирательства, пониманию юридической специфики возникновения предметной компетенции третейских судов по разрешению споров и арбитрабельности споров, а также возможности рассмотрения третейскими судами споров о недвижимом имуществе и из других правоотношений.

Выводы и предложения, изложенные в диссертации, могут быть использованы в процессе совершенствования законодательства в части правового регулирования третейского разбирательства и арбитрабельности споров.

Апробация результатов исследования. Основные положения, содержащиеся в диссертации, освещены автором исследования в опубликованных статьях, а также в материалах выступлений на научно–практических конференциях российского и международного уровня с 2004 г. по 2013 г., том числе посвященных следующей проблематике: «Взаимодействие третейских и арбитражных судов. Практика применения законодательства об оспаривании решений третейских судов, выдаче исполнительных листов, признанию и приведению в исполнение решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей» (Санкт–Петербург, декабрь 2004 г.); «Компетенция третейских судов» (Санкт–Петербург, ноябрь 2007 г.), «Развитие процессуального законодательства: к 5–летию действия АПК РФ, ГПК РФ и Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» (Воронеж, февраль 2008 г.); «Альтернативное разрешение споров в программах высшего и дополнительного профессионального образования» (Санкт–Петербург, ноябрь 2008 г.); «Альтернативное разрешение споров в правовой системе России» (Санкт–Петербург, июнь 2009 г.); «Развитие медиации в России: теория, практика, образование» (Воронеж, апрель 2011 г.); «Международный арбитраж и медиация в странах СНГ И США» (Санкт–Петербург, июнь 2011 г.); «Медиация в России: профессиональный и практический аспекты» (Москва, июль 2012 г.); «Альтернативные способы разрешения

споров в Содружестве Независимых Государств: от национальных к международным инструментам» (Минск, июнь 2013 г.); «Совершенствование законодательства о третейском разбирательстве и международном арбитраже: современные стандарты и подходы ведущих арбитражных центров» (Санкт–Петербург, июль 2013 г.).

Теоретические выводы были изложены автором в процессе преподавания учебных курсов «Альтернативное разрешение споров» и «Правовые технологии разрешения споров и урегулирования конфликтов» в Санкт–Петербургском государственном университете, а также в методической литературе для юридических вузов: предисловии, втором и третьем разделах «Хрестоматии альтернативного разрешения споров», рекомендованной Учебно–методическим объединением юридических вузов РФ (СПб., 2009); главе 14 учебного пособия «Третейское разбирательство в Российской Федерации» (М., 2010); главах 5 и 6 учебника «Международный коммерческий арбитраж» (СПб.–М., 2012).

Материалы работы использовались в ходе участия автора исследования в деятельности рабочих групп по совершенствованию законодательства о третейском разбирательстве, созданных Российским Центром содействия третейскому разбирательству, Экспертным Советом третейского сообщества, Министерством экономического развития Российской Федерации, Министерством юстиции Российской Федерации и других.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации определена целями и задачами научного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

Во **введении** обосновываются выбор и актуальность темы работы, степень ее разработанности, определяются цель и задачи, теоретическая и методологическая основы исследования; приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Глава I «Специфика третейского разбирательства как института частного процессуального права» состоит из двух параграфов. **В первом параграфе** выявляется правовая природа способов АРС, а также определяется положение способов АРС (прежде всего, третейского разбирательства) в системе российского права.

В первой части параграфа рассматривается общая характеристика альтернативного разрешения споров. Всю палитру представлений о сущности категории «АРС» можно условно свести к трем основным группам. К первой относятся суждения о том, что АРС — это альтернатива государственному правосудию. Второй вариант трактовки АРС — это способы урегулирования конфликтов, основанные только на достижении компромисса. Третья группа включает мнения, согласно которым АРС — комбинирование способов или моделирование специального (собственного) способа разрешения споров и урегулирования конфликтов, исходя их конкретных обстоятельств и интересов сторон. Анализ рассмотренных в работе подходов к характеристике АРС позволил автору исследования сформулировать определения категорий «АРС» и «способ АРС» и вынести их на защиту (Положения 1 и 2).

Во второй части параграфа рассматриваются доктринальные подходы к характеристике способов АРС. Автор отмечает, что в юридической литературе отсутствует единое устоявшееся представление о принадлежности способов АРС к определенной юридической науке. Чаще всего правоведы отмечают связь способов АРС с науками гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права, международного частного права и гражданского права.

В работе исследуется правовая природа способов АРС. Прежде всего, выявляется взаимосвязь способов АРС и процессуального права. Как известно, гражданское процессуальное право напрямую не воздействует на материально-правовые отношения, не регулирует их. Нормы гражданского процессуального права регулируют правоотношения, в ходе которых разрешаются споры, устраняется правовая неопределенность, в результате чего устанавливаются, изменяются или прекращаются субъективные материальные права. Применение способов АРС для разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов приводит к аналогичному правовому результату, что свидетельствует о наличии прямой связи способов АРС с отношениями процессуального характера. Есть и другие факторы, позволяющие говорить о процессуальной природе способов АРС. К ним, в частности, относятся: 1) участие нейтральных лиц, разрешающих спор или содействующих сторонам в урегулировании правового конфликта; 2) стадийность процедур АРС; 3) наличие соответствующей процессуальной формы (после согласования ее сторонами); 4) близость некоторых принципов АРС и принципов гражданского судопроизводства; 5) использование в практике АРС общих процессуальных методов (разрешения споров, урегулирования конфликтов, экспертной оценки или их комбинаций) для достижения необходимого

правового результата; б) оперирование в теории АРС такими процессуальными категориями, как процессуальная форма, иск, доказательство, экспертное заключение, примирение, решение и др.

Таким образом, можно сделать вывод о процессуальном характере отношений в области АРС. Однако процессуальная сущность отношений в области АРС еще не полностью раскрывает их уникальную правовую природу. Это лишь родовой или общий признак данных отношений.

Далее в первом параграфе характеризуются правовые критерии способов АРС (в кратком виде они вынесены на защиту — Положение 3), а также основные отличия правоотношений в сфере АРС от правоотношений в сфере гражданского судопроизводства, которые проявляются в: 1) преобладающем методе регулирования; 2) принципах регулирования; 3) способе возникновения; 4) предмете правового регулирования; 5) форме и порядке регламентации; 6) достигаемом процессуальном результате; 7) системе источников и их иерархии. Перечисленное дает основание говорить о правовой специфике отношений в области АРС. Главное различие проявляется в методе регулирования правоотношений. Если регулирование государственного (публичного) процесса (судопроизводства в государственных судах) основано, прежде всего, на императивном методе (методе позитивного обязывания), то в альтернативном разрешении споров ярче других проявляются начала диспозитивные, основанные на координации и автономии воли сторон. Данное обстоятельство имеет конституирующее значение для обоснования правовой природы способов АРС.

Таким образом, способы АРС характеризуются общей процессуальной направленностью возникающих при их применении правоотношений, которые регулируются преимущественно диспозитивным методом, что, в свою очередь, позволяет говорить о частном (по режиму правового регулирования) процессуальном (по направленности правоотношений) юридическом содержании (правовой природе) способов АРС.

Следовательно, в рамках процессуальных отношений возможно существование не только публичных процессуальных отраслей права (например, гражданского процессуального права), но и частной процессуальной отрасли. Представляется, что наряду с разделением материального права на публичное и частное существуют объективные предпосылки для аналогичного деления и процессуального права. Тем самым, по мнению автора, в современной России активно формируется новая

процессуальная отрасль права, — право альтернативного разрешения споров или частное процессуальное право (ЧПП).

В заключительной части параграфа исследуется вопрос о месте института третейского разбирательства в системе российского права. В ходе исследования автор показывает многообразие мнений по этому вопросу и излагает собственный взгляд. Третейское разбирательство (в том числе международный коммерческий арбитраж), посредничество (медиация) и другие способы негосударственного разрешения споров и урегулирования конфликтов характеризуются общностью режима правового регулирования, правовой спецификой источников, а также едиными правовыми критериями. Поэтому есть основания полагать, что способы АРС, к которым относятся и третейское разбирательство, как совокупности однородных правовых норм, представляют собой институты общей для них отрасли «частного процессуального права» — права альтернативного разрешения споров.

Во втором параграфе первой главы исследуется правовая природа третейского разбирательства с позиции частного процессуального права.

В работе характеризуются правовые теории третейского соглашения. Сегодня в юридической науке нет универсального суждения, которое раскрывало бы все стороны, все аспекты третейского разбирательства, включая международный коммерческий арбитраж. Существуют четыре основные теории третейского разбирательства (арбитража): договорная или консенсуальная, публично–процессуальная, смешанная (теория особого рода — *sui generis*) и автономная. По мнению автора, перечисленные теории не дают четкого и адекватного представления о правовой природе арбитража.

Наиболее близко подходит к раскрытию правового содержания арбитража процессуальная теория, которая рассматривает третейское соглашение с точки зрения публичных (гражданских процессуальных отношений). Анализируя взгляды сторонников процессуальной (публичной) теории третейского суда (А. И. Минакова, Л. П. Ануфриевой), нельзя согласиться с мнением о том, что решение третейского суда имеет такое же юридическое значение, как и решение государственного суда. Решение третейского суда распространяет свое действие только на стороны третейского разбирательства, а в случаях, установленных законом, является основанием для юридически значимых действий и иных лиц и органов. Данное утверждение автора исследования соответствует также п. 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 10–П от 26.05.2010.

Решение третейского суда обладает такими свойствами, как исключительность; непровержимость по существу (возможно лишь опровержение по формальным основаниям при оспаривании решения третейского суда); обязательность (в отношении сторон спора, а в случаях, установленных законом, и других лиц) и исполнимость — после выдачи исполнительного листа компетентным государственным судом, и не обладает свойством преюдициальности. В юридической литературе высказана точка зрения, согласно которой решению третейского суда в определенных случаях может быть присуще свойство преюдициальности (В. А. Мусин, А. Е. Березий). По мнению автора, освобождение от доказывания возможно лишь по усмотрению третейского суда, в случае рассмотрения нескольких однородных дел между теми же сторонами одним и тем же составом арбитров.

Концепция частного процессуального права не поддерживает характеристику третейского суда как органа, осуществляющего правосудие, и саму возможность делегирования этих полномочий, поскольку имеются существенные различия в основаниях возникновения полномочий третейских и государственных судей по разрешению спора, а также процедурах (процессуальных формах) и результатах правоприменительной деятельности государственных и третейских судов, что еще раз подтверждает вывод автора о собственной процессуальной специфике способов АРС.

Как справедливо отмечает Т. Е. Абова, наделение третейского суда публично-значимыми функциями, о чем говорится в тексте Постановления Конституционного Суда РФ № 10–П от 26.05.2010, не равнозначно делегированию функции судебной власти (правосудия) государственного суда третейским судам. Это означает, что третейский суд является одним из тех институтов гражданского общества (а не государства), деятельность которых публично значима, если бы это было не так, то государственный суд не выдавал бы исполнительные листы для принудительного исполнения решений третейского суда.

Другим важным следствием частной процессуальной теории третейского разбирательства является квалификация третейского соглашения как частного процессуального договора, предметом которого является: 1) выбор определенного постоянно действующего третейского суда или третейского суда *ad hoc* (определение так называемой «подарбитражности» спора)³; 2) согласование порядка избрания либо назначения третейских судей (арбитров); 3) фиксация частно-процессуальных прав

³ Термин «подарбитражность» в данном случае означает, какой именно третейский суд выбрали стороны для рассмотрения и разрешения спора.

и обязанностей сторон, арбитров и институционального центра третейского разбирательства (постоянно действующего третейского суда) в рамках процедуры третейского разбирательства или международного коммерческого арбитража.

Третейское соглашение как частно–процессуальный договор, на взгляд автора, обладает существенной спецификой, поскольку при передаче спора в третейский суд (постоянно действующий или для конкретного случая) происходит его своеобразная трансформация из договора между сторонами в многосторонний договор, к которому присоединяются институциональный центр третейского разбирательства (после принятия просьбы об арбитраже или искового заявления к рассмотрению при обращении сторон за разрешением спора в постоянно действующий третейский суд), а также арбитры (после принятия третейскими судьями своего избрания или назначения). В случае участия в третейском разбирательстве третьих и иных лиц третейское соглашение подлежит дальнейшей трансформации, так как участие каждого из них должно охватываться общим третейским соглашением.

Для третейского суда *ad hoc* частный процессуальный договор может быть двусторонним — между сторонами и арбитрами, а также трех– или многосторонним, если они обратятся за содействием в институциональный центр третейского разбирательства — например, в МКАС при ТПП РФ, который вправе оказывать организационное содействие арбитражу для рассмотрения отдельного спора (*ad hoc*) в соответствии с Правилами по оказанию содействия. Полагаем, что в данном случае Правила по оказанию содействия становятся частью соответствующего третейского соглашения.

Таким образом, специфической чертой договорного разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов (способов АРС), в том числе третейского разбирательства, является многосторонний характер заключаемого частно–процессуального соглашения.

Далее автор более детально рассматривает основные отличия третейского разбирательства от государственного судопроизводства с точки зрения процессуальной формы, объема и специфики правоприменительной деятельности.

Качественное своеобразие третейской процессуальной формы как института частного процессуального права состоит в том, что на уровне законодательства подробное содержание процедуры третейского разбирательства не устанавливается. Говорить о наличии процессуальной формы третейского разбирательства, по мнению автора, можно только после согласования сторонами процедуры третейского

разбирательства (третейский суд для конкретного спора) либо при использовании для определения процедуры третейского разбирательства регламента постоянно действующего третейского суда. Однако и в этом виде процессуальная форма третейского разбирательства не может рассматриваться как универсальная, так как соглашением сторон она может быть подвержена трансформации с учетом базовых принципов третейского разбирательства.

Не менее важным для уяснения возможности осуществления юрисдикционных полномочий в ходе третейского разбирательства является ответ на вопрос: осуществляет ли третейский суд защиту прав?

В юридической литературе для обоснования правозащитной функции третейского суда достаточно часто используют теорию «делегирования» полномочий, которая уже подвергалась критике. Между тем, как отмечалось выше, полномочия состава арбитров возникают на основании третейского соглашения.

Автор исследования полагает, что можно говорить о наличии так называемого «сложного состава» осуществления правозащитной функции третейского суда, состоящей из двух частей: 1) действий третейского суда по разрешению спора и вынесению третейского решения; 2) действий компетентного государственного суда и вынесения им определения о выдаче исполнительного листа на третейское решение. Следовательно, третейские суды также реализуют функцию правозащиты.

Таким образом, деятельность третейских судов может быть признана правоприменительной, поскольку связана с разрешением спора за счет применения норм права, а также правозащитной, несмотря на то, что у третейского суда отсутствуют властные полномочия, необходимые для приведения в исполнение собственного решения. Правоприменительная деятельность третейского суда по объему отличается от государственного судопроизводства и ограничивается разрешением спора по существу, что определяется спецификой третейского разбирательства как института частного процессуального права.

Обоснование юридической специфики третейского разбирательства позволило автору исследования сформулировать понятия «третейский суд» и «постоянно действующий третейский суд», которые предлагается закрепить в законодательстве (Положение 6).

Глава II «Компетенция третейского суда» состоит из двух параграфов. В **первом параграфе** рассматриваются вопросы о соотношении категорий

«подведомственность» и «арбитрабельность», а также характеризуется компетенция третейских судов по российскому законодательству.

В исследовании критикуется представление об институте подведомственности как «регуляторе нагрузки органов государства и общественности по осуществлению юрисдикционных полномочий», данное Ю. К. Осиповым, в той части, которая не раскрывает юридическую специфику возникновения предметной компетенции третейского суда и полномочий состава арбитров.

Институт подведомственности, применяемый в гражданско–процессуальном законодательстве, в отношении третейских судов фактически неприменим и потому, что каждый институционный центр третейского разбирательства, в объеме имеющихся у него полномочий, имеет возможность самостоятельно устанавливать пределы своей предметной компетенции (так функционируют специализированные третейские суды в определенной сфере общественных отношений: например, мореплавания, недвижимости, спортивные, медицинские и др.).

Предметная компетенция постоянно действующего третейского суда определяется в исследовании как виды правоотношений (категории споров), установленные в правилах, регламентах или других документах постоянно действующего третейского суда его учредителями, исходя из требований законодательства, которые могут быть переданы сторонами в третейский суд.

Тем самым, предметная компетенция ПДТС может быть как общей, так и специальной. Предметная компетенция (или полномочия состава арбитров) для третейского суда *ad hoc* определяется сторонами спора в третейском соглашении.

Роль подведомственности и подсудности в отношении начавшегося или уже состоявшегося третейского разбирательства значима только в связи с определением компетентного государственного суда, в котором будут рассматриваться вопросы содействия и контроля: обеспечительные меры; признание, приведение в исполнение или оспаривание решений третейских судов и проч. Тем самым, институт подведомственности не влияет на возможность обращения сторон частно–правового конфликта к способам АРС, в том числе к институту третейского разбирательства, что говорит об отличии «механизмов распределения дел» третейским и государственным судам.

Автор поддерживает точку зрения ученых (О. Ю. Скворцова, А. Н. Анурова и др.) о необходимости законодательного закрепления категории «арбитрабельность». В узком значении категория «арбитрабельность» может быть определена как круг

споров о праве, рассмотрение которых отнесено законодательством к компетенции третейских судов. По мнению автора, узкой трактовки понятия «арбитрабельность» — только в значении «подведомственность» — недостаточно для уяснения специфики возникновения правоприменительных полномочий третейского суда. Смысл категории «арбитрабельность» (в широком значении) состоит в возникновении права третейского суда (или полномочий состава арбитров) на разрешение спора, в отношении которого стороны заключили действительное третейское соглашение.

Необходимо также различать арбитрабельность для третейских судов, рассматривающих внутренние споры, осуществляющих третейское разбирательство на основе Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», и третейских судов, разрешающих споры с применением Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже». Следовательно, возможно и дальнейшее деление арбитрабельности на «внутреннюю арбитрабельность» и «международную арбитрабельность».

Компетенции третейских судов по российскому праву посвящена заключительная часть параграфа. Российское законодательство не содержит общих норм, непосредственно решающих вопрос о том, какие именно гражданско-правовые споры могут передаваться на рассмотрение третейских судов, и основывается на принципе, согласно которому любой спор в сфере гражданско-правовых отношений, подведомственный государственным судам, может по соглашению сторон передаваться на разрешение третейского суда, если только это прямо не запрещено законом (ч. 6 ст. 4 АПК РФ, п. 3 ст. 3 ГПК РФ, п. 4 ст. 1 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» и п. 2. ст. 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации»).

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством третейские суды, по общему правилу, обладают «параллельной» или «альтернативной» предметной компетенцией по спорам из гражданских правоотношений, которая соответствует, но не конкурирует с подведомственностью (предметной компетенцией) по гражданско-правовым спорам государственных арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Изъятия из компетенции третейских судов возможны только на основании закона.

Во втором параграфе второй главы анализируются способы определения арбитрабельности и ее критерии.

Автор отмечает, что арбитрабельность споров должна соответствовать правовой природе третейского разбирательства как института частного процессуального права.

Российское право указывает на гражданско–правовой характер отношений как необходимую предпосылку для обращения сторон в случае возникновения спора к третейскому разбирательству, если иное не определено законом. Данный способ установления арбитрабельности можно назвать негативным или, что будет точнее, — неопределенным, поскольку законодательство может не только ограничивать, но и расширять сферу арбитрабельности споров. Его недостаток состоит в том, что он не охватывает все случаи исключения правоотношений из числа арбитрабельных.

Автор поддерживает мнение А. Л. Маковского, В. Н. Анурова о низкой эффективности позитивного и негативного способа определения арбитрабельности, свидетельствующей о тщетности попыток закрепить на законодательном уровне исчерпывающий перечень арбитрабельных и неарбитрабельных споров, полагая, что оптимальным вариантом регулирования данной проблемы будет установление в законодательстве более четких критериев арбитрабельности споров.

Далее в работе анализируются критерии арбитрабельности, присутствующие в действующем российском законодательстве. Автор исследования выделяет следующие критерии арбитрабельности: 1) характер спорного правоотношения (объектный критерий); 2) субъектный состав участников спора (субъектный критерий); 3) наличие спора о праве (критерий оспариваемости правоотношения).

Затем автор исследования кратко характеризует выделенные критерии арбитрабельности. Рассмотренные критерии, как по отдельности, так и в своей совокупности, не всегда позволяют с необходимой точностью определить арбитрабельность того или иного гражданско–правового спора, передаваемого сторонами на рассмотрение в третейский суд.

Оптимальным, по мнению автора, подходом к решению проблемы определения арбитрабельности может быть, во–первых, выявление и устранение проблем при определении арбитрабельности споров по действующему законодательству, а, во–вторых, установление комплексного критерия, охватывающего действие и других критериев арбитрабельности, учитывающего правовую природу третейского разбирательства как института частного процессуального права.

Основная проблема при определении арбитрабельности в праве России состоит в недостаточной определенности формулировки «любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений» (п. 2. ст. 5 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»). На взгляд автора, необходимо отказаться от указания в законодательстве на гражданско–правовую принадлежность спорных правоотношений, передаваемых

на рассмотрение в третейский суд, поскольку ввиду комплексного характера гражданско-правового законодательства этот подход не исключает возможность передачи на разрешение неарбитрабельных споров и, с другой стороны, отрицает возможность передачи в третейский суд споров из других в широком смысле частно-правовых отношений (например, земельных, трудовых, спортивных и проч.).

С учетом мнений российских ученых-правоведов; критериев арбитрабельности, закрепленных в законодательстве зарубежных стран; а также правовой природы третейского разбирательства, комплексный критерий арбитрабельности сформулирован в следующем виде: «спор из договорных и иных частных правоотношений, по которым стороны вправе осуществлять распорядительные действия». Предложенный комплексный критерий показывает область материальных правоотношений, споры из которых могут передаваться на рассмотрение в третейский суд, в том числе отражает возможность рассмотрения споров как из относительных (договорных), абсолютных (вещных), так и деликтных отношений, а также обеспечивает соответствие передаваемых споров правовой природе третейского разбирательства. Достигается это за счет своеобразной «двухуровневой фильтрации». На первом уровне — «в вертикальной плоскости» — критерий позволяет исключить рассмотрение споров из публичных правоотношений⁴ (первая часть формулировки критерия — «спор из договорных и иных частных правоотношений»). На втором уровне — «в горизонтальной плоскости» — предлагаемый критерий (вторая часть формулировки — «по которым стороны вправе осуществлять распорядительные действия») позволяет, во-первых, выявлять наличие прав иных лиц в отношении объекта спора (и констатации неарбитрабельности спора), а во-вторых, признавать арбитрабельными споры из горизонтальных по своему генезису отношений. Таким образом, предлагаемый критерий позволит не только исключить передачу в третейский суд споров из публичных отношений, но и расширить пределы арбитрабельности за счет возможности передачи в третейский суд споров из частных в широком смысле отношений (например, семейных, трудовых, спортивных, медицинских и др.), определив, какие именно категории споров из этих отношений являются арбитрабельными.

⁴ Считается, что субъекты публичных правоотношений также могут обладать диспозитивными полномочиями. Критерий позволяет исключить эти отношения из числа арбитрабельных.

Использование данного критерия потребует незначительной корректировки действующего законодательства в области третейского разбирательства, которая приводится в тексте диссертации. Так, например, п. 2 ст. 1 ст. Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» может быть сформулирован следующим образом: «В третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства передаваться любой спор из договорных и иных частных правоотношений, по которым стороны вправе осуществлять распорядительные действия, если иное не установлено федеральным законом». Аналогичную формулировку следует закрепить в Законе РФ «О международном коммерческом арбитраже», а также ГПК РФ и АПК РФ.

ГЛАВА III «Арбитрабельность споров о недвижимом имуществе» состоит из двух параграфов. **В первом параграфе** рассматриваются вопросы, которые чаще всего возникают в связи с определением арбитрабельности споров в сфере недвижимости; анализируются позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации и государственных регистрационных органов, а также известных ученых и практиков; характеризуется возможность передачи споров о правах на недвижимое имущество в историческом и сравнительно-правовом аспектах. В результате автор исследования приходит к следующим заключениям.

Во-первых, решения третейского суда, впрочем, как и решения государственных судов, стороны должны исполнять добровольно, однако отсюда не следует, что, во-первых, в случае отказа от добровольного исполнения сторонами решение третейского суда перестает быть основанием для государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество, и, во-вторых, что у решения третейского суда отсутствует такое свойство законной силы, как обязательность, в том числе в случаях, установленных законом, и для юридически значимых действий лиц, не являвшихся участниками третейского разбирательства.

Во-вторых, исключительная компетенция государственных судов, установленная АПК РФ и ГПК РФ, не может ограничивать права сторон на выбор способа разрешения гражданско-правового спора, а также предметную компетенцию третейских судов, определенную законом. Исключительная компетенция установлена для разграничения компетенции государственных судов, а не институтов АРС, что соответствует Конституции Российской Федерации. Данное утверждение автора соответствует также

пункту 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 10–П от 26.05.2011.

В–третьих, государственные суды и регистрирующие органы не должны ссылаться на невозможность вступления решения третейского суда в законную силу, поскольку если в решении третейского суда не указывается, когда оно вступает в силу, то оно вступает в силу немедленно, исходя из буквального толкования п. 2 ст. 44 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», согласно которому «если в решении третейского суда срок не установлен, то оно подлежит немедленному исполнению». Так как исполнение судебного решения предполагает вступление его в законную силу, то соответственно, срок вступления решения третейского суда в силу в данном случае по времени совпадает со сроком его исполнения. Отдельные свойства законной силы судебного решения находят свое воплощение во «вступившем в силу» решении третейского суда. Данное обстоятельство было отмечено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 10–П от 26.05.2011, где также говорится: «...В отличие от решений государственных судов свойством принудительной исполнимости решение третейского суда наделяется только после прохождения установленных процессуальным законодательством процедур получения исполнительного листа на его принудительное исполнение (эксекватуры)».

Кроме того, о вступлении решения третейского суда в законную силу говорится и в законодательстве о третейских судах (абз. 8 ст. 38 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» и п. 6 Приложения № 2 «Положение о морской арбитражной комиссии при ТПП РФ» Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»).

Далее, практика Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Росреестра⁵, сформировавшаяся после принятия Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 10–П от 26.05.2011, признавшего компетенцию третейских судов в области недвижимости, указывает на необходимость получения исполнительного листа на решение третейского суда о признании права собственности на недвижимость, иначе в регистрации должно быть отказано. Однако известно, что по искам о признании права собственности исполнительные листы выдаваться не могут, так как это не иск о присуждении и исполнение он не предполагает. Решение

⁵ См.: Информационное письмо Росреестра № 14–3648–ГЕ от 21.05.2012 «О некоторых вопросах государственной регистрации прав на основании решений третейских судов» // Третейский суд. 2012. № 2. С. 63–73.

третейского суда не может быть проверено по существу компетентным государственным судом, а формальные основания проверки могут быть в данном случае совершенно бесполезны. Таким образом, данная мера не содержит позитивного эффекта и может служить средством реализации злоупотреблений. Автор полагает, что данный подход не учитывает как положения правовой доктрины, так и действующее законодательство, а также противоречит смыслу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 10–П (п. 3.2), где отмечается, что решение третейского суда является равновесным основанием для регистрации прав в области недвижимости, наряду с решениями государственных судов.

Наконец, Конституционный Суд Российской Федерации не поддержал утверждение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации о наличии в спорах о правах на недвижимое имущество так называемого публичного элемента (пункт 4 Постановление Конституционного Суда РФ № 10–П). Таким образом, ссылки на невозможность рассмотрения третейским судом споров (правоотношений) в сфере недвижимости как содержащих публично–правовой элемент признаны несостоятельными.

Сравнительное исследование зарубежного законодательства также дает положительный вывод об арбитрабельности споров о правах на недвижимое имущество в большинстве ведущих «арбитражных» держав: в странах общего права — Англии, США, Канаде; странах романо–германской правовой семьи — Австрии, Германии, Нидерландах, Франции, Швеции и др. В зарубежных правовых порядках, в отличие от российского законодательства, используются более определенные критерии предметной компетенции третейских судов и арбитрабельности споров, например «возможность заключения мирового соглашения», и не выделяется в качестве критерия отраслевая принадлежность спора. Исторический анализ также показывает арбитрабельность данной категории споров по дореволюционному праву, хотя проблемы в ее определении существовали и ранее.

Во **втором параграфе третьей главы** осуществляется проверка арбитрабельности споров о недвижимом имуществе на соответствие критериям арбитрабельности, выявленным в исследовании, а также определяются специальные условия арбитрабельности, связанные со спецификой возникновения прав на недвижимое имущество. Ниже приводится их общая характеристика.

Объектный критерий. Характер возникающих в сфере недвижимости абсолютных правоотношений, по мнению автора, не является препятствием для рассмотрения

данной категории споров третейскими судами, поскольку конкретный спор всегда относителен, т. е. всегда рассматривается между определенными лицами — сторонами третейского разбирательства. Как известно, решение третейского суда не может затрагивать права лиц, не участвующих в третейском разбирательстве, так как не обладает всеми качествами решения государственного суда, а распространяет свое действие только на стороны третейского разбирательства. Если права третьих лиц в какой-либо степени были затронуты решением третейского суда, то в любом случае третьи лица смогут их защитить, обратившись в государственный суд, так как они не могут рассматриваться в качестве стороны спора, разрешенного третейским судом, а заявленное ими требование не может рассматриваться в качестве тождественного требованию, рассмотренному третейским судом. Тем самым, третейские суды могут рассматривать споры из любых видов гражданских правоотношений: абсолютных (вещных), относительных (обязательственных) или деликтных.

Субъектный критерий. Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют гражданские права, в том числе в сфере недвижимости. Их конкретное содержание определяется объемом дееспособности физических лиц и правосубъектности юридических лиц, что, в свою очередь, может служить возможным признаком, ограничивающим частно-процессуальную право- и дееспособность. Тем самым, возможность участия сторон в гражданско-правовых отношениях определяет их право на участие в третейском разбирательстве, если их юридический статус не имеет в этом отношении специальных ограничений. Таким образом, данный критерий арбитрабельности не содержит дополнительных требований.

Критерий спорности. Разрешение спора в третейском суде возможно в связи с конкретным правоотношением сторон (п. 2 ст. 5 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации, п. 1 ст. 7 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»), т. е. оспариваемое право на момент разрешения спора должно существовать, сторона должна иметь право им владеть, пользоваться или распоряжаться. С этими обстоятельствами связаны возможные ограничения в рассмотрении третейскими судами исков о присуждении (исполнении), признании (установлении) и преобразовании правоотношений сторон. Третейский суд не может рассматривать дела неискового характера (например, об установлении фактов, имеющих юридическое значение), однако признавать и изменять существующие правоотношения сторон третейский суд может и в случае возникновения правовой неопределенности, в связи с их оспариванием, имеет право и должен, так как это одновременно и прямая его

обязанность, как и всякого правоприменительного института, с той лишь разницей, что спор должен быть арбитрабельным и охватываться действительным третейским соглашением.

Комплексный критерий. Предложенный автором исследования комплексный критерий «правомерности совершения распорядительных действий в отношении оспариваемого правоотношения» сочетает в себе наиболее важные признаки рассмотренных выше критериев (объектного, субъектного и спорности). Проявление данного качества в объектном критерии связано с определяющим моментом в образовании вещного права — проведением его государственной регистрации и, как следствие, появлением такого важного признака, как оборотоспособность объекта недвижимости. Взаимосвязь комплексного и субъектного критерия арбитрабельности проявляется в установлении уровня возможностей субъекта (дееспособности для физических лиц или правосубъектности для юридических) в распорядительных действиях по владению, пользованию и распоряжению объектом недвижимости, а также объема процессуальной правоспособности (правосубъектности) по заключению третейского соглашения. В отношении критерия «спорности» — через установление самой возможности участия в процедурах третейского разбирательства или международного коммерческого арбитража, т. е. передачи соответствующего спора в третейский суд.

Актуальность действия комплексного критерия связана с наиболее важным эффектом государственной регистрации прав в сфере недвижимости — возникновением вещных прав и возможностью совершения в отношении них распорядительных действий субъектами права. Соответственно, указанный момент приобретает характер «публично достоверного», сведения о котором может получить любое лицо.⁶ Таким образом, «правомерность владения, пользования и распоряжения предметом спора» одновременно является и основным правовым следствием (результатом) государственной регистрации прав на недвижимое имущество, что показывает эффективность предложенного комплексного критерия.

Проверка комплексного критерия возможна как в процессе установления прав на недвижимость в ходе третейского разбирательства, так и в ходе регистрации права собственности на недвижимое имущество государственным органом. Исследование

⁶ См.: Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2003. № 1–2 (http://dpr.ru/journal/journal_11_13.htm; дата посещения — 18.08.2013).

составом арбитров (третейским судом) или государственным регистрационным органом правомерности (правомочности) сторон по совершению распорядительных действий в отношении объекта спора позволяет выявить отсутствие прав иных лиц.

Кроме того, государственный регистратор имеет возможность уведомить правообладателя о поступлении на государственную регистрацию документов, связанных с переходом прав на недвижимость к иному лицу. Таким образом, у правообладателя появится возможность защитить свои права (либо оспорить решение третейского суда, либо обратиться в государственный суд с самостоятельным иском), а у государственного суда — осуществить формальный контроль деятельности третейского суда или рассмотреть требование по существу и, тем самым, исключить возможность злоупотреблений.

Комплексный критерий арбитрабельности, на взгляд автора исследования, позволяет достаточно точно определить арбитрабельность либо неарбитрабельность споров, передаваемых сторонами на рассмотрение в третейский суд. Критерий эффективен при исследовании границ арбитрабельности в отношении споров из любых правоотношений (независимо от их отраслевой принадлежности), так как он соответствует правовой природе третейского разбирательства.

В **заключении** автор исследования показывает значение работы в свете реформы постоянно действующих третейских судов и третейского разбирательства, идущей в России. Выделяются основные подходы, которые необходимо учитывать при формулировании концептуальных предложений и изменений законодательства, и, прежде всего, основной из них — учет уникальной правовой природы, лежащей в основе данных институтов саморегулирования гражданского общества.

Основные опубликованные работы по теме диссертации

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:

1. Севастьянов Г. В. Методы альтернативного разрешения коммерческих споров // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 20–21. — 0,23 п.л.
2. Севастьянов Г. В. Тенденции развития институциональных начал альтернативного разрешения споров (в соавт. с А. В. Цыпленковой) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 3. С. 32–43; № 4. С. 63–75. — 2,19 п.л.

3. Севастьянов Г. В. Подведомственность третейскому суду споров о недвижимом имуществе: современное состояние проблемы // Закон. 2008. № 1. С. 58–74. — 1,89 п.л.
4. Севастьянов Г. В. Концепция частного процессуального права (права альтернативного разрешения споров) // Третейский суд. 2009. № 1. С. 25–32. — 0,65 п.л.
5. Севастьянов Г. В. Альтернативное разрешение споров — принципиальный аспект качества юридического образования (о Первой Всероссийской (международной) научно-методической конференции, СПб., 13–14.11.2008) // Третейский суд. 2008. № 6. С. 7–18. — 0,96 п.л.
6. Севастьянов Г. В. Что такое медиация (посредничество)? Рецензия на издание: Ракитина Л. Н., Львова О. А. Медиация (посредничество): как урегулировать спор, не обращаясь в суд // Третейский суд. 2008. № 6. С. 142–147. — 0,48 п.л.
7. Севастьянов Г. В. Модельная программа курса «Альтернативное разрешение споров» (в соавт. с А. И. Зайцевым) // Третейский суд. 2009. № 2. С. 36–42. — 0,28 п.л.
8. Севастьянов Г. В. Юридизация медиации, или почему Госдума не рассматривает примирительные законопроекты // Третейский суд. 2009. № 5. С. 5–11. — 0,56 п.л.
9. Севастьянов Г. В. Государственный суд как модератор посредничества // Третейский суд. 2009. № 4. С. 137–143. — 0,56 п.л.
10. Севастьянов Г. В. Медиация: прошлое и настоящее (рецензия на издание: Лисицын В. В. Медиация — универсальный способ урегулирования коммерческих споров в России) // Третейский суд. 2009. № 6. С. 145–149. — 0,4 п.л.
11. Севастьянов Г. В. Специфика законотворчества в сфере альтернативного разрешения споров // Третейский суд. 2010. № 2. С. 6–19. — 1,13 п.л.
12. Севастьянов Г. В. Новый конституционный источник третейского разбирательства // Третейский суд. 2011. № 3. С. 7–11. — 0,4 п.л.
13. Севастьянов Г. В. Росреестр против Конституционного Суда // Третейский суд. 2012. № 2. С. 13–15. — 0,24 п.л.
14. Севастьянов Г. В. Постоянно действующие третейские суды — создание системы доверия! // Третейский суд. 2013. № 1. С. 8–17. — 0,81 п.л.
15. Севастьянов Г. В. Основные вопросы реформы третейского разбирательства // Третейский суд. 2013. № 2. С. 8–12. — 0,4 п.л.

Статьи и работы в иных изданиях:

16. Севастьянов Г. В. Альтернативное разрешение споров: понятие и общие признаки // Третейский суд. 2006. № 2. С. 138–149. — 0,97 п.л.
17. Севастьянов Г. В. Два законопроекта или уроки альтернативного законотворчества // Третейский суд. 2006. № 5. С. 2–18. — 1,37 п.л.
18. Севастьянов Г. В. Законопроект о посредничестве (медиации) в его поэтапном и диалектическом развитии // Третейский суд. 2006. № 6. С. 7–13. — 0,56 п.л.
19. Севастьянов Г. В. Частное процессуальное право // Третейский суд. 2007. № 5. С. 27–40. — 1,13 п.л.
20. Севастьянов Г. В. Обязательная добровольность, или почему решение третейского суда не может быть основанием для государственной регистрации прав

- на недвижимость (позиция ВАС РФ) // Третейский суд. 2007. № 6. С. 46–52. — 0,56 п.л.
21. Севастьянов Г. В. Альтернативное разрешение споров — частное процессуальное право // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. С. 385–419. — 2,82 п.л.
 22. Севастьянов Г. В. Проблемы исполнения решений третейских судов в компетентных государственных органах // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда правам человека. Краснодар–СПб., 2008. С. 712–724. — 0,77 п.л.
 23. Севастьянов Г. В. О повышении доверия к способам альтернативного разрешения споров и роли концепции частного процессуального права // Развитие процессуального законодательства: к пятилетию действия АПК РФ, ГПК РФ и Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» / Под ред. Е. И. Носыревой. Воронеж, 2008. С. 490–512. — 1,34 п.л.
 24. Севастьянов Г. В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров: Учебно–методические материалы и практические рекомендации / Сост. Г. В. Севастьянов. СПб., 2009. С. 91–121. — 2,49 п.л.
 25. Севастьянов Г. В. Третейский суд: юрисдикционный орган или институт саморегулирования? // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. 2009. № 3. С. 331–345. — 1,21 п.л.
 26. Севастьянов Г. В. Глава 14 «Альтернативные методы разрешения споров» // Третейское разбирательство в Российской Федерации: Учебное пособие / Под ред. О. Ю. Скворцова. М., 2010. С. 344–389. — 2,67 п.л.
 27. Севастьянов Г. В. Государственный суд как модератор посредничества // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. 2010. № 2. С.121–125. — 0,44 п.л.
 28. Севастьянов Г. В. Современные тенденции развития АРС в России // Развитие медиации в России: теория, практика, образование / Под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М., 2011. С. 25–36. — 0,69 п.л.
 29. Севастьянов Г. В. Третейский суд при ОАО «Газпром»: опыт первого использования электронных технологий в третейском разбирательстве // НефтьГазПраво. 2011. № 5. С. 58–61. — 0,31 п.л.
 30. Севастьянов Г. В. Глава 5 «Заключение арбитражного соглашения» и глава 6 «Правовые последствия арбитражного соглашения» // Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Под ред. В. А. Мусина и О. Ю. Скворцова. СПб.–М., 2012. С. 91–160. — 5,64 п.л.
 31. Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства и деятельность Экспертного Совета третейского сообщества // Материалы Международной научно–практической конференции «Альтернативные способы разрешения споров в Содружестве Независимых Государств: от национальных к международным инструментам (21 июня 2013 года) / Экономический Суд СНГ, Минск. 2013. С.141–162. — 0,73 п.л.

Подписано в печать 06.11.13	Формат 60x84 ¹ / ₁₆	Цифровая	Печ. л. 1.25
Тираж 150	Заказ 06/11	печать	

Отпечатано в типографии «Фалкон Принт»
(197101, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 54, офис 2)

